

ББК 63.3(0)61
УДК 94(438).081

Ю. А. Борисёнок
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

«Польско-белорусский узел» 1918–1921 гг. в интерпретации современной польской историографии

Materski W. (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. — Warszawa, 2018. — 868 s.

1918–1921 гг. стали важным рубежом в формировании как польской, так и белорусской государственности. Цели и стремления различных политических сил с обеих сторон подробно отражены в не имеющем аналогов в польской историографии обширном сборнике документов и материалов, опубликованном в Варшаве в 2018 г. под редакцией известного польского историка Войцеха Матерского. Значимость книги не только в том, что в ней впервые напечатаны несколько десятков источников по белорусской тематике, в том числе из архивов США и Великобритании, но и в новой для исторической науки Польши постановке ряда исследовательских проблем. Среди них стоит выделить понятие «польско-белорусского узла» и сравнение попыток восстановления польской государственности с 1916 г. с формированием белорусских государственных структур с 1918 г.

Ключевые слова: *история Польши, история международных отношений, польская историография, Ю. Пилсудский, В. Матерский.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.7.02

В 2018 г. в Институте политических исследований Польской академии наук был опубликован солидный по объему и качеству исследовательской работы сборник документов и материалов «Польско-белорусский узел 1918–1921»¹. Такой формат издания по бело-

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

¹ *Materski W.* (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa, 2018.

русской проблематике данного периода для современной польской историографии стал новаторским. В этом несомненная заслуга редактора-составителя книги и автора предисловия к ней — видного историка Войцеха Матерского (р. 1944). 482 документа из архивов Польши, Республики Беларусь, России и других стран, созданных с марта 1918 г. по март 1921 г. и выявленных при участии известного белорусского специалиста В. Е. Снапковского, в хронологическом порядке помещены в основную документальную подборку (s. 53–747). В приложении опубликованы еще 19 источников 1921–1936 гг., время появления которых выходит за избранные временные рамки, ограниченные Рижским миром (s. 748–793). Среди текстов, опубликованных впервые, — интересные материалы архивов институтов Ю. Пилсудского в Нью-Йорке и Лондоне, а также из архивов МИД Великобритании.

Все документы в сборнике напечатаны на польском языке, в оригинале и переводах с русского, белорусского, английского, литовского, немецкого и итальянского: подобное «отступление от классических принципов издания источников» объясняется в предисловии желанием привлечь к чтению не только профессиональных историков, но и более широкий круг польской общественности (s. 45). Белорусские события августа 2020 г., вполне возможно, действительно обратят внимание части польской читающей публики на важную публикацию документов по истории соседней страны, доселе мало известной в условиях традиционной неконфликтной повседневности.

В своем подробном предисловии к книге (s. 7–46) В. Матерский не только обращает внимание на важнейшие источники, с которыми предстоит познакомиться читателю, но и высказывает ряд важных концептуальных обобщений, развивающих тему в рамках современной польской исторической науки и дополнительно любопытных в свете того, что в 2019 г. российская историография пополнилась качественным исследованием Д. А. Коротковой по тому же периоду 1918–1921 гг. и во многом совпадающей проблематике². Одно из таких обобщений — сама постановка вопроса о «польско-белорусском узле» 1918–1921 гг. Такое обозначение множества противоречий, возникших в этот переломный для становления государственности поляков и белорусов период, позволяет объемно представить как остроту разногласий, так и невозможность их преодолеть иначе как превратив

² Короткова Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М., 2019.

узел в гордиев. Именно таким разрешением спора на белорусском направлении стал Рижский мир 1921 г., не только завершивший польско-советскую войну, но и разделивший этническую белорусскую территорию на советскую и польскую части.

По оценке В. Матерского, «1918 г., так же как и три последующих года до Рижского мира, формально определившего характер и форму польско-белорусских отношений, — это период, богатый событиями, исключительно важный для обеих наций, поляков и белорусов. Это время споров об отношении Беларуси к меняющейся концепции организации территориального и структурного упорядочения на северо-западных землях бывшей Российской империи, к возрожденной польской государственности. Это также период своеобразной игры польских политиков белорусской картой с Германией, Россией, Литвой и Антантой, а также с самими белорусами, но это также время непрерывной внутренней конфронтации — прежде всего между федералистами и инкорпораторами» (s. 8).

В. Матерский совершенно верно считает, что книга может служить не только «путеводителем по малоизвестным архивным фондам, а также документальным публикациям, прежде всего белорусским», а также «иллюстрацией, легитимизирующей нынешнее состояние знаний» о теме, но и стимулом для дальнейших исследований (s. 7–8). Одним из таких перспективных исследований может стать дальнейшая разработка проблематики «польско-белорусского узла», предполагающая не только выход за пределы хронологических рамок 1918–1921 гг., но и углубленный подход к отраженным в публикации сюжетам. Несмотря на впечатляющий общий объем 501 архивного документа, «польско-белорусский узел» рассматривается в публикации, как правило, с политико-дипломатической точки зрения, которая не всегда обеспечивает приемлемую достоверность исторической реальности.

В частности, важнейший для белорусской истории рассматриваемого периода вопрос об этнической территории в предисловии В. Матерского фактически обходится стороной. Правда, утверждается, что в сентябре 1919 г. польские части «достигли рубежа Любань — Борисов — Двинск, осуществляя контроль над большинством белорусских территорий» (s. 24). Можно предположить, что польский историк разделяет официальную точку зрения современной белорусской историографии, согласно которой предметом исторического изучения могут быть, как правило, границы современной Республики Беларусь. Но в условиях 1918–1921 гг. подходы к этнотерриториальной проблеме

были иными и притом различными, и эти важные «узелки» обязательно стоит добавить к «польско-белорусскому узлу» при дальнейших исследованиях, в том числе и с той целью, чтобы избежать туманных формулировок. Пример тому — оценка В. Матерским «далеких от однозначности» упоминаний Беларуси в тексте Рижского мирного договора 1921 г.: «Можно отстаивать как позицию, что буква договора касалась исключительно Беларуси в географическом понимании, так и то, что она касалась государства с этим названием» (s. 39). Здесь хорошо понятны рубежи провозглашенной 31 июля 1920 г. из нескольких уездов одной лишь Минской губернии «второй БССР», но неясны и не конкретизированы белорусские пределы «в географическом понимании», равно как и то, как они соотносятся с тогдашней этнической картиной.

Имеет интересную исследовательскую перспективу и тезис В. Матерского о том, что ситуацию с провозглашением в марте 1918 г. в Минске Белорусской народной республики (БНР) «можно признать в значительном приближении сравнимой с появлением на польских землях Регентского совета; в обоих случаях объем автономии сочетался скорее с германским (Центральных держав) протекторатом, нежели с процессом, целенаправленно стремящимся к независимости» (s. 16).

Правда, провозглашенное в ноябре 1916 г. Германией и Австро-Венгрией Польское королевство польский историк оценивает довольно высоко: «В ноябре 1917 г. Регентский совет провозгласил первое правительство (премьера Яна Кухажевского), положив начало системе власти, продолжавшейся до окончания войны, правда, зависимой от оккупантов, но имевшей основные признаки отдельной государственности» (s. 9). По отношению же к «квазигосударственным» белорусским структурам применяются несколько иные формулировки: с одной стороны, БНР именуется «иллюзией белорусской государственности», с другой, на взгляд В. Матерского, в случае с провозглашенной 1 января 1919 г. «первой БССР» «фикция советской Беларуси была столь очевидной, что она создавала для большевистских властей реальную проблему» (s. 14, 19). Стоит заметить, что умозрительное разделение на «иллюзию» и «фикцию», т. е. на две различные словесные конструкции, не лишено смысла. Различие между БНР и белорусскими советскими республиками было существенным. У первой из них, и документы сборника это хорошо показывают, были большие проблемы с военной составляющей формирующейся государственности, за БССР при очевидной буферности всегда стояла военная мощь РККА.

Сами же выводы об «иллюзии» и «фикции» восходят к видению ситуации тогдашними польскими политиками, и в частности Ю. Пилсудским, который и был автором хлесткого высказывания о «белорусской фикции». Оно имело вполне конкретный тактический смысл в условиях, когда польская государственность возрождалась в унитарном варианте и в сложнейших условиях вынуждена была оформлять свои границы, пресекая попытки соседних народов осуществить свои державные проекты. Белорусская государственность в практические расчеты Пилсудского не входила никогда и ни в каком виде.

Даже на уровне умозрительных проектов белорусского «буфера» между Польшей и Советской Россией польские власти не заходили дальше осуществившейся в 1920–1924 гг. в реальности «второй БССР» из уездов Минской губернии. Как справедливо подчеркивает В. Матерский, уже летом 1919 г. «было очевидно, что даже эвентуальное признание белорусской государственности Варшавой может ограничиться Минщиной, оно не охватит исконные белорусские земли Виленщины и Гродненщины» (s. 25). В этом и корень проблемы, мучившей меньшевистских белорусских политиков, недоумевавших, почему Польша медлит с формальным признанием БНР и постоянно откладывает даже разговоры на эту тему.

А после благоприятного для Польши изменения геополитической обстановки, как свидетельствует один из опубликованных в сборнике документов, запись в дневнике чиновника Гражданского управления польскими землями М. С. Коссаковского от 5 марта 1920 г., намерения Варшавы излагались простым языком и открытым текстом: «Пилсудский в Вильно уже отчетливо заявил Ивановскому, что белорусы обязаны порвать с фикцией государственности, забыть, что когда-то существовала Белорусская рада как суррогат правительства, и Ивановский на это вынужден был согласиться» (s. 413). Такая позиция Пилсудского лишала сколько-нибудь серьезных политических перспектив тех белорусских деятелей, которые подобно Вацлаву Ивановскому или Антону Луцкевичу пытались делать ставку на союз с возрождающейся Польшей, — Варшава нуждалась исключительно в их лояльности, но не в их деятельности в национальном белорусском направлении.

Документы сборника убедительно доказывают, что белорусскому национальному проекту активно мешали и в случае необходимости противодействовали сразу как минимум четыре влиятельных течения польской политики: 1) сторонники Ю. Пилсудского, в теории разделявшие концепцию федерализма, от которой на практике пришлось в итоге полностью отказаться; 2) приверженцы национал-демократов

и их лидера Р. Дмовского, отстаивавшие модель инкорпорации в отношении белорусских земель; 3) польские землевладельцы и часть интеллигенции белорусских территорий, выступавшие, исходя из своих имущественных и ментальных интересов, за несбыточный в политических условиях 1918–1921 гг. вариант возвращения для возрождающейся Польши границ Речи Посполитой 1772 г.; 4) польские коммунисты на советской службе, в своей деятельности не стремившиеся учитывать национальные интересы белорусов.

Именно с точки зрения столь разнородной, но последовательно антибелорусской польской силы стоит рассматривать нашедший отражение и в предисловии В. Матерского тезис более чем столетней давности о слабости белорусского национального движения. По мнению польского историка, белорусское движение к 1918 г. «располагало относительно слабыми политическими элитами, опытность которых трудно сравнить с грузинскими, украинскими или польскими» (s. 13). К тому же «только формирующееся национальное движение [...] ограничивалось узкими интеллигентскими кругами» (s. 15). Документы сборника свидетельствуют о том, что такая оценка полностью соответствует взглядам Ю. Пилсудского и его соратников в указанный период. Они не отрицали само существование белорусского движения, как это в спекулятивном виде представил Р. Дмовский 8 октября 1918 г. в своей записке о территории польского государства, направленной президенту США В. Вильсону: «Белорусы представляют собой абсолютно пассивный расовый элемент. Среди них нет никакого национального движения; нет также даже зачатков белорусской литературы» (s. 77).

Взяв на вооружение аргумент о слабости белорусского движения и сведя его к тонкому интеллигентскому слою, Пилсудский развязывал себе руки в белорусском вопросе. Такое упрощение реальной политической ситуации в Беларуси было выгодно и большевикам, в том числе польского происхождения. В. Матерский нащупывает интересную исследовательскую перспективу, оценивая начавшиеся 22 июля 1919 г. тайные переговоры советского представителя и одновременно известного польского революционера Ю. Мархлевского с польской стороной как «неблагоприятные для дела интегральности белорусских земель изменения в отношениях Варшавы и Москвы» (s. 23). Действительно, любое прагматичное, исходившее из реальной ситуации и военной силы сторон советско-польское разграничение в тот период означало раздел белорусского этнографического пространства, которое и состоялось в итоге в марте 1921 г. по условиям Рижского мира.

Тезис же о слабости белорусского движения нуждается как минимум в трех существенных корректировках. Во-первых, сравнивать его с движением других народов ушедшей в историю Российской империи и тем более с ситуацией в Закавказье не всегда уместно, учитывая особый формат развития национальных процессов на белорусских землях.

Во-вторых, в реальности у национального движения белорусов была достаточно обширная социальная база — действительно узкий слой интеллигентов в первом поколении, каковыми были очень многие видные белорусские политики той эпохи, опираясь на широкую крестьянскую основу.

В-третьих, в историографии до сих пор сохраняется очень удобное для советской исторической науки искусственное сведение национального движения белорусов только к несветской ее части. Национальное движение логичнее рассматривать комплексно, объединяя его небольшевистский и советский варианты, на самом деле имевшие друг с другом много общего. Именно в таком ключе проблема излагается в важном документе, впервые публикуемом в сборнике, — в фрагментах донесения агента польской разведки Раймунда Нихольма от 19 ноября 1920 г. о его беседах в кулуарах мирной конференции в Риге (s. 662–667).

Под именем Нихольма скрывался известный в будущем польский литератор и политик Ежи Стемповский (1883–1969). Он активно общался в Риге как с представителями эмигрантского белорусского правительства во главе с Вацлавом Ластовским, так и с руководителем «второй БССР» Александром Червяковым. Полномочия всех белорусских политиков ни польская, ни советская сторона не признали, их участие в политическом процессе в столице Латвии ограничилось кулуарами. У Нихольма-Стемповского появилась уникальная возможность в частных беседах сравнить программы и личную политическую компетентность двух направлений белорусской политики.

Касаясь отношений с группой Ластовского, польский разведчик справедливо отметил, что «польско-белорусские отношения вошли тогда в безнадежную фазу». Расчеты этой части политиков на сближение с Польшей не оправдались, в Ригу они приехали с исчерпанными финансами, не имея «никаких инструкций или полномочий». Политическое лицо группы своеобразно: «...все ее члены принадлежат к одному типу людей чувственных, впечатлительных, импульсивных, действующих в соответствии с непредсказуемыми сентиментальными инстинктами [...], все производят впечатление людей честных, непро-

дажных, твердо верящих в свое дело. Одновременно и, собственно, благодаря вышеперечисленным чертам, это люди упрямые в своих доктринах, невыносимые в работе и лишённые позитивности. Для того чтобы прийти с ними к согласию на практической почве, требуется немало доброй воли и терпеливости» (с. 663–664). Таким образом, имея серьёзные дела с эмигрантским правительством автор донесения не рекомендует, что полностью соответствовало установкам Ю. Пилсудского.

Совершенно по-иному отражены Нихольмом-Стемповским настроения и перспективы советского белоруса. «Примерно 10 октября я познакомился с председателем белорусского ревкома Червяковым, о котором позже Душевский говорил мне как о своем старом товарище и политическом воспитаннике. Кроме этого, отношений между Червяковым и группой Ластовского не было [...]. Душевский приехал в Ригу только после отъезда Червякова. Червяков произвел на меня впечатление человека более уравновешенного, спокойного и рассудительного [...]. Для меня очевидно, что Червяков совсем не коммунист, даже не социалист, но хороший белорусский националист, который из соображений оппортунизма работал с большевиками» (с. 665).

Безусловно, оценка убежденного, как показали дальнейшие события, большевика Червякова как «националиста», а также приведенное в анализирующей донесение Стемповского статье Я. Пискуровича мнение о том, что «в случае удачного завершения переговоров делегации БНР с польской делегацией в Риге Червяков должен был открыто перейти в антибольшевистский лагерь»³, весьма преувеличены, но замечания польского разведчика о единстве корней небольшевистской и советской версий белорусского движения и их национальной основе принципиально важны.

В значительной степени верным оказался и сделанный осенью 1920 г. прогноз Червякова о перспективах раздела белорусских этнических земель по итогам переговоров в Риге: «Раздел белорусской территории несомненно вызовет в части страны, уступленной Польше, национальное белорусское движение, стремящееся к соединению с советской Беларусью. Размеры этого движения в значительной мере зависят от политики, которую польское правительство будет проводить в своей части страны. Сложно, впрочем, предполагать, чтобы польская

3 *Piskurewicz J. Tajna misja Jerzego Stempowskiego na Konferencji Pokojowej w Rydze // Rok 1918. Odrodzona Polska i sowiecka Rosja w nowej Europie. Warszawa, 2019. T. II. S. 155.*

политика, до сих пор покровительствовавшая интересам крупных землевладельцев, могла удовлетворить белорусского крестьянина» (с. 666). При этом посланец Минска не исключил, что при грамотно построенной политике поляков на советской стороне даже может появиться движение, призывающее к присоединению к Польше.

Таким образом, благодаря активной работе Стемповского в Риге еще накануне подписания мирного договора 1921 г. у польских спецслужб была достоверная информация, позволявшая сделать необходимые поправки в курс на белорусском направлении. Как известно, эти наработки разведки не пригодились: линия Ю. Пилсудского на игнорирование в практической политике «белорусской фикции» фактически проводилась затем в течение всего межвоенного периода.

Документы сборника позволяют подробно проследить не только разногласия, которые проявлялись между польскими политиками при обсуждении белорусского вопроса, но и отсутствие в Варшаве даже тактического, не говоря уже о стратегическом, решения этой проблемы, которая при подробном знакомстве с источниками не кажется второстепенной для национальных интересов возрождающегося государства. Представляется, что сформировавшиеся уже в 1918–1921 гг. позиции сторон предопределили итоговую неудачу Польши в геополитическом споре с большевиками на белорусском направлении. Важно и то, что на фоне часто снисходительного отношения Варшавы к «польско-белорусскому узлу» в Москве еще со времен Брестского мира был наготове рецепт урегулирования в свою пользу похожих ситуаций.

Лично Л. Д. Троцкому принадлежит хладнокровно реализованная советскими властями после Рижского мира идея полезности разделения белорусских и украинских земель с целью последующего продвижения большевистских ценностей. Эту дипломатическую новацию он, по словам участника брестских переговоров М. Н. Покровского, огласил еще в феврале 1918 г.: «Тут и произошел эпизод, ради которого стоит обо всем этом писать: когда литовский представитель Мицкявичус-Капсукас горячо возопил против операции, проводимой Альфатером над его родиной, Троцкий заявил, что для Литвы даже выгоднее быть разрезанной, ибо тогда русская половина станет революционным очагом для немецкой»⁴. Именно эту тактику, о которой

4 Первые шаги большевистской дипломатии. Дневниковые записи академика М. Н. Покровского / публ. А. В. Есиной // Вестник Российской академии наук. 1993. № 2. С. 158.

затем предупреждал Стемповского Червяков, затем использовал в Риге на переговорах с Польшей близкий к Троцкому советский дипломат А. А. Иоффе, что подтверждают и опубликованные в сборнике В. Матерского документы. Как известно, та же линия «разрезания» во благо «революционного очага» была впоследствии реализована И. В. Сталиным и его соратниками с привлечением приоритетных проектов советской белорусизации и советской украинизации⁵.

Таким образом, современная польская историография усилиями В. Матерского пополнилась важным документальным изданием, объемно отражающим современный уровень разработки белорусского вопроса сквозь призму труднейшего для польской государственности периода ее возрождения в 1918–1921 гг.

Источники и литература

Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Россией и Польшей в первой половине XX века. М.: Родина Медиа, 2013. 352 с.

Короткова Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 222 с.

Первые шаги большевистской дипломатии. Дневниковые записи академика М. Н. Покровского / публ. А. В. Есиной // Вестник Российской академии наук. 1993. № 2. С. 152–163.

Materski W. (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. 868 s.

Piskurewicz J. Tajna misja Jerzego Stempowskiego na Konferencji Pokojowej w Rydze // Rok 1918. Odrodzona Polska i sowiecka Rosja w nowej Europie. T. II. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN; Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2019. S. 149–159.

⁵ *Борисёнок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Россией и Польшей в первой половине XX века. М., 2013. С. 100–104.

References

Borisenok, Yu. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoy istorii: obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Rossiiyey i Pol'shey v pervoy polovine XX veka*. Moscow: Rodina Media, 2013, 352 p.

Korotkova, D. A. *Belorusskiye zemli v sovetsko-pol'skikh otnosheniyakh. Razmen-naya karta v protivostoyanii dvukh derzhav. 1918–1921 gg.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2019, 222 p.

Materski, W. (wybór i opracowanie). *Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018, 868 s.

“Pervyye shagi bol'shevistskoy diplomatii. Dnevnikovyye zapisi akademika M. N. Pokrovskogo.” Publ. A. V. Yesinoy, *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 1993, № 2, p. 152–163.

Piskurewicz, J. “Tajna misja Jerzego Stempowskiego na Konferencji Pokojowej w Rydze.” *Rok 1918. Odrodzona Polska i sowiecka Rosja w nowej Europie*. Vol. II. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN; Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2019, s. 149–159.

Yuriy A. Borisyonok

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The “Polish-Belarusian Knot” 1918–1921 in the interpretation of modern Polish historiography

1918–1921 became an important milestone in the formation of both Polish and Belarusian statehood. The goals and aspirations of various political forces on both sides are reflected in detail in an extensive collection of documents and materials, which has no analogues in Polish historiography. It was edited by the famous Polish historian Wojciech Materski and published in Warsaw in 2018. The significance of the book is not only that it first published several dozen sources on Belarusian topics, among them those available only in the archives of the United States and Great Britain, but also in a new formulation of a number of research problems for the historical science of Poland. Among them, it is worth highlighting the concept of the “Polish-Belarusian knot” and the comparison of attempts to restore Polish statehood since 1916 with the formation of Belarusian state structures since 1918.

Keywords: *history of Poland, Belarusian statehood, the history of international relations, Polish historiography, J. Pilsudski, W. Materski.*